

А. В. Лыткина¹

ЖУРНАЛИСТИКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ГЛОКАЛИЗАЦИИ

Для мировой журналистики процессы глобализации становятся реальностью в XIX — начале XX века. Основы информационной глобализации были заложены созданием: а) новых средств передачи информации (пирескаф-пароход, поезд, самолет, телеграф, телефон); б) новых печатных технологий и средств фиксации информации (паровой цилиндрический печатный станок, ротационная печатная машина, стереотипия, линотип, телетайп, фотография); в) принципиально новых СМИ (информационное агентство, радио, кинематограф, обогатившиеся в XX в. телевидением и Интернетом).

Сегодняшняя информационная глобализация — явление противоречивое, неоднозначно толкуемое. С одной стороны, это калькирование глобализации экономической (монополизация средств массовой коммуникации, коммерциализация медиасектора, демассификация СМИ), с другой — концептуальное развитие феномена журнализма, опирающегося на реципрокные, редибутивные (термины И. Уоллестайна) отношения с миром, способствующего гомогенизации жизненного и информационного пространства, но ориентированного и на процессы глокализа-

ции — «адаптации к локальным вызовам жизненных контекстов»².

Переход от персонального к дифференцированному журнализму, возникновение массовой (Б. Г. Дей, Э. де Жирарден) и коммерческой прессы, партийной печати, технологические прорывы XX и XXI веков в области телевизионного вещания и интернет-СМИ, явления тайминга, кавериджа, фреймирования новостных сюжетов, переизбыточность сообщений и иные проявления информационного глобализма не уничтожили интереса к локальному, национально-специфическому «медиа-ландшафту» (термин А. Аппадурай). Так, сохраняют свои позиции сформировавшиеся еще в XIX веке и выделенные Л. Саламоном во «Всеобщей истории прессы» (1906) направления развития журнализма: англосаксонская информационная линия и доктринальный журнализм континентальной Европы и России.

История отечественной журналистики XVIII — начала XXI века содержит примеры формирования и сохранения автономных журналистских явлений, национальных традиций освещения русского мира. Одно из них — российский журналистский поли-

¹ Профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор филологических наук, доцент.

² Землянова Л. М. Особенности фреймирования международных новостей // Международная журналистика в многополярном мире. М., 2008. С. 47.

тический текст. Он возникает в 1856–1857 годах одновременно с появлением частной периодики. Для ранней российской журналистики обращение к этому тематическому направлению не было случайностью. Фактографическая информация «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Московских ведомостей» не оставляла пространства для «мнения». Журнальные повременные издания публиковали материалы, предлагавшие свое видение проблем общества и путей их разрешения в рамках политической публицистики. Но позитивная идея, истина в произведениях А. Сумарокова, Ф. Эмина, Н. Новикова, И. Крылова, А. Радишева, Н. Карамзина была лишь номинирована.

Политическая публицистика александровской эпохи, не будучи «высокого качества» (Н. Пиксанов), развивалась по тому же сценарию. Публикации на тему конституционных проектов в журналах «Сын Отечества», «Вестник Европы», «Дух журналов», «Журнал для пользы и удовольствия» и других оставались либо сугубо информационными («О конституционном праве в Англии», «Взгляд на республику Соединенных Штатов Американских областей», «Изображение Французской Республики»), либо абстрактными, невнятными во взглядах (А. Куницын «О конституции», «Не в конституциях благо народа»).

Политической публицистики будущих декабристов в реальности не существовало. Ее заменила литературная критика в «Сыне Отечества» и альманахе «Полярная звезда». Эта же линия была ведущей и во времена царствования Николая I. Цензурные уложения 1826–1834 годов, «период мрачного семилетия» сделали невозможным существование политического журналистского текста.

Революционно-демократическая журналистика («Современник»), обсуждая вопросы крестьянской революции, ограничивалась обобщенными рассуждениями, иносказательно излагая идеи будущего гармонического жизнеустройства, оперировала идеомифологемами.

Прослеживание этапов движения русского политического журналистского текста позволяет вывести некую инвариантную модель, которая, возникнув в XVIII веке, достаточно явственно предстает и во второй половине XIX — начале XX века. Авторская идея решения проблемы «власть–личность» будет лишь декларирована даже в публицистике М. Каткова и Л. Толстого («К рабочему народу», «К политическим деятелям»). Она не будет доказана и в партийной печати, возникшей в России в 1905 году. Политический текст советской эпохи был эксплицитен, ориентировался на нормативную и программную информацию.

Новейшая российская политическая публицистика, сделавшая попытку принять американские образцы в перестройку, в нулевые годы вновь обратилась к традициям русской политической журналистики, предлагая лишенные конкретики рассуждения, дополненные частными фактами или перегруженные экономическими, финансовыми выкладками («Российская газета», «Санкт-Петербургские ведомости», издания политических партий и объединений).

Итак, инвариантная структура в российском журналистском политическом тексте оказалась устойчива к различным «повесткам дня», сохраняя диалоговые отношения с национальной традицией, но оставаясь в контексте европейского доктринального журнализма.